

КОРОТКО О КНИГАХ

*

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПАНОРАМА. Литературно-критический сборник. Л. «Советский писатель». 1988. 535 стр.

В статье Б. Никольского, открывающей «Панораму», есть выразительный эпизод, который так и просится в начало этой рецензии. В давние, еще студенческие свои времена ее автор слушал выступление одного известного поэта, проехавшего после войны от Ленинграда до Москвы. «Я увидел разоренные деревни, — говорил поэт, — я увидел такие картины страданий и бедствий, от которых сжималось сердце. Но если гражданский долг Радищева заключался в том, чтобы возвестить об увиденном во весь голос, чтобы написать свою книгу, то мой гражданский долг как советского писателя заключался в том, чтобы промолчать...»

«Молчащая литература» сформировала особую критику. Пока одна ее часть потворствовала, алала и писала панегирики, другая старалась петь «тайную свободу» и радовалась каждому обнаруженному намеку, который не заметили и не отфильтровали (именно к этому типу критики тяготел первый сборник «Ленинградская панорама», появившийся в 1984 году). Когда ситуация в нашей общественной жизни круто изменилась, обе разновидности критики попали в трудное положение. Первая оказалась скомпрометированной, вторая обнаружила неумение говорить «во весь голос», без самоцензуры и недоговоренностей. В одночасье этого не изживешь, и литературно-критический сборник представляется сегодня одним из необходимых и важных шагов на пути обретения полного голоса.

Состоит он из четырех разделов. Первый — «Портреты. Судьбы. Обзоры» — включает статьи о Вере Пановой, Глебе Семенове, Леониде Пантелееве, Вадиме Шефнере, Викторе Конечком, Валентине Пиккуле, Валерии Попове, Геннадии Николаеве, Валерии Мусаханове. Не могу говорить о каждой статье отдельно, вот общее впечатление: при всем профессионализме их авторов непрописанным, курсивом не выделенным осталось состоявшееся или не состоявшееся противостояние этих писателей времени, которое могло бы стать «магистральным сюжетом» книги.

«Творческая мастерская» — второй раздел сборника. Он состоит из пяти статей, из них две (И. Меттера и А. Кушнера) — интересные самоописания и только одна — прекрасная работа Е. Невзглядовой «Повод и сюжет в лирическом стихотворении», не скрывающая своей зависимости от книг Л. Гинзбург, — точно соответствует названию раздела. А ведь такие статьи в «Мастерской», думаю, должны преобладать, да и тем накопилось немало: от «Поэтической риторики эпохи застоя» до «Форм эскапизма в исторической прозе», от «Метафоры в поэзии андерграунда» до «Технологии псевдогражданственности в «секретарской» литературе».

Третий и четвертый разделы — «Литературный Ленинград — Петроград — Петербург» и «Публикации». В числе их героев — Достоевский и Чехов, Анненский, Волошин и Гумилев, Блок и Цветаева, Горький, Лозинский, Зоценко, Эйхенбаум. Рассказы о давно ушедших насыщены теми подробностями, которые делают фигуру писателя понятной и которых так часто не хватает, когда речь идет о ныне живущих. Интересны воспоминания В. Лаврова о Грузии, В. Адмони об Ахматовой, А. Панченко о Малышеве, Д. Золотницкого о «Звезде» военной поры. Непонятно, правда, почему «старые памяти», обнародованные в 1988 году, столь безмятежны в своей тональности, почему рассказ о Грузии, о встречах с Ладом Гудиашвили обошелся без упоминаний о тридцать седьмом годе. И страницы об Ахматовой странно выглядят сегодня, очищенные от упоминаний о поэме «осатанелых лет» — о «Реквиеме»...

И вот еще одно ощущение от сборника в целом — ощущение исчерпанности прежних методов. Я вспомнил «Речь о критике» Б. Эйхенбаума, опубликованную эсеровской газетой «Дело народа» в 1918 году. В духе времени и газеты речь была бунтарской: «Господа критики и историки литературы! Давайте признаемся теперь, когда не стыдно признаться в чем бы то ни было, признаемся просто и искренно, что мы не понимаем литературы... Мы должны улавливать в искусстве то, что делает его лабиринтом, чтобы не думали уважаемые читатели, что оно похоже на коридор, приспособленный для гулянья в антрактах».

А ведь похоже, что слова, предназначенные «господам критикам и историкам литературы», звучат по-прежнему актуально?

Михаил Золотеносов.

*

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭЛЕГИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ В ПЕРЕВОДАХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ. М. «Радуга». 1989. 687 стр.

Есть хорошая академическая традиция — издавать книги на двух языках, *bilingua*. Книги с двумя голосами. С двойным взглядом из разных стран, из разных культур, из разных времен. Русскому читателю последних десятилетий французская поэзия с ее зеркальным отражением в России, наверно, лучше всего известна по дважды изданной антологии «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв.» (М. 1969, 1973), подготовленной Е. Эткингом.

Значительно уже задача недавно вышедшего собрания французских элегий XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры (составитель всей книги и автор вступительной статьи и комментариев к русской части В. Э. Вацуро, автор вступления и примечаний к французским текстам В. А. Мильчина). Пространство книги ограничено жанром (элегия) и време-

нем (пушкинская пора). Однако по насыщенности материалом и по уровню подготовки текстов ничего подобного этой антологии до сих пор не было.

В заметке «От составителя» В. Э. Вацура пишет: «В этом хоре поэтических голосов звучат голоса и великих поэтов, и безвестных эпигонов, ибо только совокупность шедевров и «массовой литературы» может дать представление о реальном движении поэзии». И как на страницах журналов и альманахов начала XIX века стихотворения Пушкина и Вяземского перемежались публикациями Глебова и Туманского, так и в этой книге без эстетического преубеждения рисуется картина французско-русской элегии во всей ее пестроте: русский Парни — Батюшков; совершенствовавшийся в немецких переводах Жуковский; рядом многообещающий дебют — перо Тютчева, и все это в соседстве с расхожим литературным ремеслом.

В комментариях часто встречаются указания: «поэтическое клише», «реминисценция», «романтический штамп», «парафраза», «традиционный образ», «общевропейский элегический мотив», «цитата из широко известного стихотворения», — в бытовом современном сознании они часто несут уничижительный оттенок: мол, все здесь списано, ничего своего нет. Однако «элегическая поэтика — поэтика узнавания. И традиционность, принципиальная повторяемость является одним из сильнейших ее поэтических средств» (Л. Я. Гинзбург. О лирике. Л. 1974, стр. 29). Один из главных принципов элегической поэтики — стилистическая уместность каждого слова. «Неустанно скрывая и выбирая, отсекая и добавляя», по мысли Ф. Р. Шатобриана, каждый поэт строит свой мир чувствительной души — прекрасный идеал, в основании полагая словесные обозначения внутренних качеств человека. И тут идет состязание поэтов-элегиков. Судите сами, чей перевод стихотворения А. Арно «La Feuille» совершеннее (привожу лишь начальные строки переводов):

Куда, Листочек, ты летишь,
Иссохший, пожелтелый?
— Не знаю, — говоришь, —
Сломила буря дуб дебелий,
Который верно подпорой мне служил
И рощи красотой был...

(В. Л. Пушкин, 1816)

От дружной ветки отлученный,
Снажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый...»

(В. А. Жуковский, 1818)

Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?
— Как знать мне! Налетели тучи —
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой...

(Д. В. Давыдов, 1836—1837)

Что вынесет из этой книги современный ценитель поэзии — не специалист по истории перевода, а именно рядовой, обыкновенный читатель лирических стихов? По меньшей мере ощущение совершенно особого места перевода в культуре пушкинского времени, когда еще чувствовалось, что поэт — соревнователь и своим переводом соперничает с переводимым автором в

приближении к абсолютно прекрасному образцу. Тогда могли писать: «К чести Мильвуа заметим и напомним, что поэт Батюшков сочувствовал ему и прекрасно состязался с ним в некоторых переводах» (П. А. Вяземский). Тогда Жуковский говорил: «...переводы для языка то же, что путешествие для образованного ума».

Елизавета Пастернак.

*

О СТАНИСЛАВЕ КОСИОРЕ. Воспоминания, очерки, статьи. М. Политиздат. 1989. 271 стр.

Солидный тираж — сто тысяч. Солидное издательство. Многообещающая аннотация: «Материалы сборника рассказывают о яркой и трагической судьбе пламенного большевика, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. В. Косиора (1889—1939)...»

Обратимся к текстам воспоминаний. Вот тридцативосьмилетний Косиор бодро взбежал на трибуну XV съезда, «открыто, радостно улыбнулся залу, встретившему его продолжительными аплодисментами». Это понятно, ведь он «беззаветно трудился во имя социализма, отдавал работе весь свой ум, энергию, организаторский талант». Вот он мужает как борец за рабочее дело, расширяет идейный кругозор, ведет нелегальную работу, неоднократно попадает в тюрьму и ссылку. Вот он готовит победу над контрреволюцией на Украине, а вот — «в центре борьбы за хлеб на Украине». Всюду герой организывал, неустанно заботился, настойчиво подчеркивал, был непримиримым, вкладывал энергию и организаторский талант, уделял внимание, проявлял принципиальность и человечность, умело направлял... Уф! Придется перевести дух. Даже гибель С. В. Косиора и его родных в сталинских застенках в какой-то мере тушуются на фоне этой трескотни.

Следственное дело Косиора исчезло (знать бы почему!), от него осталась лишь обложка. Это в значительной степени усложняет установление мотивов ареста и расправы. М. Б. Погребинский, реконструируя ситуацию, пишет во вступительной статье, что Косиор не был близким к Сталину человеком, отношения между ними носили официальный характер, к решению кардинальных для себя вопросов Сталин его не привлекал. «Гибель С. В. Косиора — свидетельство того, что недостаточная активность в создании культа, восхвалении «вождя» и попытка иметь собственное мнение явились поводом для Сталина усомниться в «правотности» Косиора и уничтожить его». Примечательно и утверждение автора, что Косиор «особенно большой любовью пользовался на Украине»...

Давайте предоставим слово документам. Вот фрагмент «совершенно секретного» постановления Политбюро ЦК КП(б)У от 25 марта 1933 года, изданного «с целью повышения трудовой дисциплины в колхозах». В числе карательных мер по отношению к полумертвому, голодающему населению предусмотрено: «РИКом совместно с органами ГПУ и милиции организовать изъятие в районных центрах всего бродяж-